

Никогда не стучи на своих друзей
и всегда держи рот на замке.

Джимми Конвей, «Славные парни»

Идет 2161 год.
Солнечная система
наводнена преступниками.
Пиратами. Ворами. Бандитами.
Но даже на этом новом Диком Западе
любой негодяй, который хоть чего-то
стоит, знает одну истину:
настоящие короли — преступный
синдикат «Красный дракон».
В конце концов, «Красный дракон»
контролирует все.
Азартные игры. Наркотики. Женщин.
Для членов организации жизнь
чертовски хороша.
Шампанское? *Холодное.*
Костюмы? *Крутые.*
Оружие? *Еще круче.*
Для гангстеров наступила золотая эра.
Ну, может, не для всех...

ЧИСТИЛЬЩИКИ

— **Н**икогда не понимал, почему это называют *кровавым месивом*.

Фирлес думал об этом уже не в первый раз. По правде говоря, он размышлял об этом куда чаще, чем следовало любому нормальному человеку. Может, *кровавый спрей*? Или даже *кровавый туман*? Видите ли, когда днями напролет только и делаешь, что избавляешься от мертвых тел, а вместе с ними — и от разнообразных телесных жидкостей (в основном от крови, учитывая, как много ее содержится в человеческом теле), то невольно пытаешься подобрать такое слово, которое наиболее точно описывает, что ты видишь перед собой.

Такое слово, которое не навело бы ассоциации с карапузом, радостно топающим по колению в грязи. *Месиво*.

— Как насчет *кровавого фонтана*? — предложил Вишез.

Он опустился на корточки напротив Фирлеса, его белоснежные волосы блестели от пота. Оба смотрели на человека с дыркой во лбу от одной-единственной пули. Устрашающе точная работа. Работа профессионала, не абы кого.

Это было дело рук «Красного дракона». Когда доходило до убийств, с ними никто не мог сравниться.

Вышеупомянутое кровавое месиво теперь украшало стену гостиной четырехкомнатной квартиры в высотном жилом доме. Сводчатые потолки, импортные мраморные полы и прочая дорогущая отделка, включая — какое совпадение! — картину Поллока*, которую хозяин квартиры украл и вывез с Земли во время хаоса, разразившегося после Катастрофы. И теперь, по иронии судьбы, кровь расплескалась по стене рядом с картиной, словно какое-то болезненное произведение современного искусства.

— Из всех возможных слов ты выбрал *фонтан*?

Губы Фирлеса расплылись в усмешке. Обезоруживающей. *Неотразимой*. Он с детства знал, какой эффект она производит на людей. А когда вырос — конкретно на женщин. Еще совсем маленьким он научился пользоваться улыбкой как оружием. Когда растешь на улице, выражения твоего лица становятся больше чем эмоциями. Они превращаются в надежную валюту. Ту, что заставит прохожего остановиться и полезть за бумажником из заднего кармана брюк, забыв об осторожности. Так что это не просто улыбка. Это тактика выживания.

Вишез вздохнул и покачал головой.

— Прочисти мозги и тащи его на ковер. Я хочу убраться отсюда пораньше, а не как прошлой но-

* Пол Джексон Поллок (1912–1956) — американский художник, идеолог и представитель движения абстрактного экспрессионизма.

чью. Ты забыл заклеить скотчем свой конец ковра. И тело выпало из него на 12-й авеню прямо перед толпой копов. Или ты забыл об этом?

Фирлес улыбнулся. Его улыбка словно бы говорила: «Кто, я?». Затем он бросил:

— Ты мудака.

И тут Фирлес был совершенно прав. Вишез в самом деле был мудаком. Но не в уничижительном смысле. Он был мудаком в наследственном смысле: богатым мудаком из длинной ветви богатых мудаков, отделившейся от целого семейного древа богатых мудаков. Так что да, он был мудаком. Но не мудаком. Чувствуете разницу?

— Три... Два... Один!

Они подняли тело и уложили на ближайший восточный ковер в золотисто-бордовую крапинку, в который беднягу завернут, заклеят скотчем и утилизируют. В «Красном драконе» их не зря называли «чистильщиками». Командой по очистке, которую опытные киллеры вызывали после убийства, чтобы самим не марать руки. В организации была жесткая иерархия.

И Фирлес с Вишезом прочно застряли на самом дне.

— Давай покончим с этим, — предложил Фирлес голосом человека, каждый день таскающего трупы в коврах и не испытывающего от этого занятия большого энтузиазма. Они медленно, осторожно закатывали мертвеца до тех пор, пока у них не кончился ковер и бедолага не оказался в самом его центре, словно мягкая мясистая и очень липкая начинка швейцарского рулета.

После того как они закрепили оба конца ковра скотчем, Фирлес переключился на все еще тлеющее пулевое отверстие в стене. Он осмотрел его точно так же, как археолог опытным взглядом изучает содержимое раскопок, стараясь не потревожить скрывающееся внутри бесценное сокровище.

— Ставлю тысячу вулонгов, что это был 32-й калибр.

Это была еще одна игра, в которую они играли. Только сейчас Фирлес поднял ставку. Услышав сумму, Вишез изогнул бровь и тоже пригляделся к пулевому отверстию. Изучил его с неменьшим вниманием. И с абсолютной уверенностью заявил:

— Это 380-й калибр. Стреляли из SIG Sauer. Удваиваю ставку.

Фирлес снова обследовал пулевое отверстие — настолько близко, насколько вообще возможно. Затем недоверчиво повернулся к Вишезу.

— Полная чушь! Ты вообще видел квартиру, в которой мы находимся? Да 380-й перебудил бы половину здания. Ты и оглянуться бы не успел, как в дверь бы уже барабанила домохозяйка в шелковом халате и со шпичем под мышкой, а в вестибюле толкалась бы половина всей городской полиции. Тебе понадобился бы глушитель. — Фирлес ухмыльнулся. И забил последний шар в лузу. — Да и какой тупой ублюдок вообще устанавливает глушитель на сраный SIG Sauer?

Словно по сигналу, в ванной комнате спустили воду в туалете. Краска схлынула с лица Фирлеса. Вот дерьмо! Он все еще был здесь.

Дверь открылась, и чей-то голос прогремел:

— Вот этот тупой ублюдок!

Голос принадлежал Пауку, опытному киллеру «Красного дракона». А еще мудаку. Но не из богатых мудаков. Из мудаков другого вида. Мудаков-мудаков. Из тех, кто всегда надевает галстук в тон с платком в нагрудном кармане и носит солнечные очки даже в помещении. Рядом с Пауком стоял его напарник Карма. Карма тоже одевался как мудак. Но в словах силен не был. Он предпочитал, чтобы всякую чушь нес Паук. Паука это устраивало.

Они были по-настоящему крутыми. Королями «Красного дракона». Из тех ребят, у кого всегда забронирован столик в баре «У Аны» — а там большие шишки из организации каждый месяц оставляли такую сумму, которая большинству людей и не снилась. Образ жизни, который вели члены «Красного дракона», и был главной причиной, почему Фирлес и Вишез там оказались. А вот друзей там заводить не особо хотелось.

— Каждый стоящий киллер знает, что на 380-й калибр можно установить девятимиллиметровый глушитель. Впрочем, это объясняет, почему спустя два года вы, неудачники, все еще работаете чистильщиками.

Паук достал из внутреннего кармана пиджака пачку сигарет и вытащил одну. Когда он прикуривал ее от позолоченной зажигалки, сигарета свисала у него между губ. Это была одна из тех старинных моделей с откидной крышкой, которая еще издавала металлический скрежещущий звук. Щелк. Щелк. Щелк. Несколько попыток — и сигарета наконец зажглась. Паук глубоко затянулся и скептически оглядел плод усилий чистильщиков.

— Пошевеливайтесь! Я не хочу возвращаться и всаживать пулю в консержа только потому, что вы слишком долго рассуждали о *месиве* и он заметил, как его жильца выносят в его же ковре.

Фирлес с улыбкой повернулся к Пауку.

— Это называется *кровавый фонтан*.

Паук направился было к двери, но на пороге обернулся к ним. На его лице нарисовалась ухмылка. Но не такая, как у Фирлеса. Обычная улыбка тупого мудака-говноеда.

— О, и Вишез. Пентхаус, серьезно?

Вишез стиснул зубы. Если бы вы прислушались, то услышали бы, как они скрежещут. Он изо всех сил пытался удержать ее в себе. Тьму. Темного двойника, который, дай ему Вишез волю, разбил бы винтажную бутылку бордо, стоящую в паре метров от него на высокой, от пола до потолка, винной стойке с регулируемой температурой, и тонированным французским стеклом вырезал бы Пауку глаза.

— Довольно милая берлога для сраного чистильщика.

Фирлес перехватил взгляд Вишеза и едва заметно покачал головой. Он хорошо знал эту часть личности своего друга. Склонность к насилию пробудилась в Вишезе еще тогда, когда он был подростком. Фирлес называл ее *тьмой*. Это была единственная черта, которая пугала его в друге. И страшило не то, что Вишез мог без предупреждения убить человека, а то, как далеко он мог при этом зайти. Просто избить ему было недостаточно. Он должен был избить врага до неузнаваемости. *Уничтожить*. Это уже была не просто вспыльчивость. В эти мгнове-

ния Вишез полностью оправдывал свое прозвище*. За прошедшие годы вспышки ярости друга доставили им столько неприятностей, что Фирлес научился замечать тень надвигающейся тьмы, словно показавшийся над водой акулий плавник, даже раньше самого Вишеза. Чаще всего. Фирлес встретился взглядом с киллером.

— Не переживай, Паук. Однажды ты заработаешь достаточно денег, чтобы перестать дрочить в подвале своей мамы и обзавестись собственным жильем.

Паук затянулся сигаретой. Он со смешком покачал головой и выдохнул струю дыма.

— Вот в чем разница между мной и тобой, Фирлес. Однажды «Красный дракон» наденет мне на палец кольцо с гелиотропом и сделает меня старейшиной, а ты так и будешь заворачивать трупы в ковры и отмачивать шуточки.

Фирлес изобразил на лице работу мысли, а затем снова повернулся к Пауку.

— Но если старейшины наградят тебя кольцом с гелиотропом... как ты после этого запихнешь палец себе в задницу?

— Да пошел ты! — Паук в ответ показал Фирлесу средний палец и выскочил из квартиры. Карма, как и всегда, следовал за ним по пятам.

Фирлес выдохнул и перевел взгляд на Вишеза. Кровь отхлынула от щек его приятеля. Тьма отступила обратно в свою тихую маленькую пещеру.

На сегодня.

* Прозвище Вишеза, Vicious, переводится с английского языка как «жестокий».

* * *

Горные пики Тарсиса сияли над двором городской давилки Тарсис-Сити, места, где исчезали старые машины и оставшиеся после «Красного дракона» трупы. Огни от пустующих роскошных квартир и дрейфующих флуоресцентных рекламных щитов, нахваливающих последние достижения в области генетически модифицированного биомьяса, освещали груды обломков автомобильного хрома и стекла.

Самый большой город на Марсе должен был стать аванпостом на пути к колонизации Солнечной системы. Его создавали самые выдающиеся архитекторы и строители со всей Земли. Грандиозные здания из стекла и стали напоминали Дубай и несли отпечатки обоих Манхэттенов. Те, кто побывал здесь в самом начале, называли Тарсис-Сити следующим великим мегаполисом. Но жить здесь — все равно что жить внутри стеклянного шара, вроде того, что вы дарите своим бабушкам на Рождество. На улицах не смолкал гул дворников, убирающих мусор и полирующих асфальт. Небоскребы снаружи казались чудесами архитектуры, но внутри оставались недостроенными — и, скорее всего, навсегда. Дождь шел по расписанию. Не хватало только паровозика с жизнерадостным кондуктором, который объезжал бы город каждые несколько минут. В общем, выглядело это все так же реалистично, как на съемочной площадке фильма.

— Откуда, черт побери, они знают, где я живу?

Фирлес и Вишез, ухватившись за края восьмидесятикилограммового ковра, медленно раскачивали его взад-вперед. В это время ночи стояла полная ти-

шина, нарушаемая только звуками промышленного уплотнителя, скрежещущего всего в нескольких сантиметрах от их ног. Днем уплотнитель всего за несколько секунд мог поглотить целую машину, а ночью уничтожал все следы мертвого тела. Раскачав ковер посильнее, друзья отпустили концы и теперь с нездоровым любопытством следили, как он с громким стуком приземляется между вращающихся стальных зубцов уплотнителя.

Хватило всего пары секунд. Ковер с телом внутри превратились в однородную массу. Возможно, какие-то кусочки кожи и плоти останутся, но вряд ли кто-то сможет понять по ним, что произошло в квартире со сводчатым потолком, в которой висел украденный Поллок. Хотя едва ли кому-то вообще будет дело до того, куда пропал этот несчастный ублюдок.

Фирлес отряхнул руки, затем пожал плечами.

— Разумеется, они знают, где мы живем. Они знают нашу группу крови, сколько денег у нас на банковском счету... черт возьми, да они, наверное, знают, какого цвета наша моча по утрам! Но так уж вышло, что таким мудакам, как Паук, моя дерьмовая квартирка с тараканами размером с крысу и толчком, на котором приходится сидеть боком, если хочешь посрать с закрытой дверью, не так интересна, как твой пентхаус.

— Это не мой пентхаус, — поспешно поправил его Вишез.

Фирлес вздохнул. Черт побери. Вечно с Вишезом так. Каждую пару месяцев ему требовалась одобряющая речь в духе «это-нормально-родиться-в-семье-богачей». В конце концов, это Фирлес родился на улицах Восточного Тарсиса. Это его оставили

во младенчестве в подержанной люльке перед дверями ночного клуба. Это он был нежеланным ребенком. Тем, кому приходилось бороться за миску холодного бульона с лапшой и спать под навесом, который защищал его от искусственного дождя, поливающего город раз в неделю.

Но, разумеется, Вишез хотел поговорить о том, как плохо живется ему.

— Слушай. Ну родился ты богатым ребенком. Это совершенно нормально. Ты не виноват, что рос, поедая омаров «У Франконы» субботними вечерами, а на каникулах ходил под гравитационным парусом на Европе с личным инструктором по имени Клод. Но в том, что ты ведешься на подначки таких недалеких придурков, как Паук, только твоя вина. И чем быстрее ты смиришься со своим происхождением, тем скорее станешь тем, кем тебе всегда было суждено стать.

Вишез прокрутил в голове эту не слишком-то ободряющую речь, которую слышал от Фирлеса далеко не в первый раз. Но, как напомнил им Паук, правда заключалась в том, что они уже почти два года торчали на нижней ступени карьерной лестницы «Красного дракона». Их ни разу не повышали, но несколько недель назад их полномочия слегка *расширили*. Это означало, что теперь они не только прибирали за такими успешными карьеристами, как Паук, ночью, но и возили везде потного капо с опухшими пальцами по имени Додд днем.

Фирлес вздохнул. Снова. В надежде, что друг поймет намек.

— Слушай, мы можем еще тут поторчать, пока ты представляешь себе, как повесишься в шикар-

ной ванной своего дорогущего пентхауса, где даже воду в туалете можно спустить только по кредитке. Ну, или что там ты себе воображаешь, когда вот так вот пялишься в бездну. Или мы можем пойти выпить и заодно пустить пыль в глаза паре симпатичных женщин, чтобы уложить их в постель. Тебе решать.

Вишез продолжил пялиться. Пялиться в бездну. Затем он произнес:

— Его звали Монро.

Фирлес, нахмурившись, уставился на него. Вишез повернулся к другу. На губах играла легкая усмешка.

— Моего инструктора по гравитационному парусу. Его звали Монро.

Фирлес рассмеялся. Может, он и ошибся. Может, его друг действительно был другим типом мудака.

* * *

На стойке бара выстроились в ряд три бокала, в которые полилась мерцающая золотистая жидкость. Татуированная рука плеснула в каждый из них на несколько пальцев. Более чем щедрая порция, учитывая, кому она предназначалась.

Фирлес ухмыльнулся и забрал все три бокала.

— В следующий раз выпивка с меня, Феликс.

Бармен, которому и принадлежала вышеупомянутая татуированная рука, закатил глаза:

— Не буду ловить тебя на слове.

Он высоко поднял бутылку. На ярко-желтой этикетке красовался красный огнедышащий дракон, над которым было выведено слово «Кудо». Одна доля

текилы, одна доля абсента и три доли безрассудства. Феликс осторожно взболтал золотистую жидкость.

— Кроме вас эту пиратскую мочу никто не пьет. И я тоже, к своему большому счастью.

Фирлес подмигнул ему. Учítывая, какие гроши ему платят в «Красном драконе», действительно, к счастью для них обоих.

Он вернулся к стоящему возле окна столику с высокими стульями, за которым расположились Вишез и темноволосая, серьезного вида девица по имени Голди. Бывшая похитительница драгоценностей, два года назад Голди получила приглашение вступить в ряды синдиката после того, как обчистила ряд связанных с «Красным драконом» торговцев бриллиантами. Старейшины впечатлились ее работой.

И Вишез, и Голди поморщились при виде «Кудо».

Все трое постучали бокалами по столу, затем в унисон проглотили их содержимое. Голди скривилась от послевкусия. Больше всего «Кудо» напоминал паленый бензин, и неважно, сколько раз до этого ты его уже пил. К подобной дряни нельзя привыкнуть.

Воровка покачала головой.

— Когда я в последний раз пила «Кудо», после проснулась голой в ванне в казино на орбите Ио.

Фирлес поднял бровь. Но Голди остудила его. Быстро.

— Только представь меня голой, и я перережу тебе горло и сброшу тело в чан с кислотой на окраине Восточного Тарсиса.

— Справедливо, — со смехом ответил Фирлес.

Голди была их лучшим другом в организации. Фирлес тайком сох по ней какое-то время, но на-

дежно держал эту тайну при себе. Среди них существовало негласное правило, что они не будут макать свои перья в чернильницы компании, так сказать, чтобы сохранить статус-кво и не допустить бардака. Ну, по крайней мере, так себя убеждал Фирлес. Правда заключалась в том, что у него никогда не было серьезных отношений и одна только мысль обнажить свою душу перед Голди — или любой другой женщиной, если уж на то пошло, — пугала его до чертиков. По мнению Фирлеса, лучше было сразу отступить, чем быть отвергнутым.

На другой стороне улицы вспыхнула раскаленная добела вывеска, которая сразу же привлекла внимание Фирлеса. Надпись была выполнена простым неоновым курсивом и напоминала вывеску, висевшую над «Американским кафе у Рика». Внешний вид заведения в глаза не бросался. Зачем? Каждый пират, негодяй и бандит и так знал, что там внутри. Это место называлось «У Аны» по имени его колючего владельца, который сам присматривал за своим детищем. И пускал к себе очень ограниченный круг посетителей.

А затем, словно Вселенная выбрала этот момент специально, чтобы помучить Фирлеса, Паук и Карма подошли к дверям, обменялись приветствиями со швейцаром и исчезли внутри.

Фирлес стиснул зубы.

— Да вы издеваетесь!

Голди рассмеялась. Ей нравилось наблюдать, как Фирлес барахтается в своих страданиях.

— Никогда не понимала твоей одержимости этим местом. Это всего лишь еще один бар.

Фирлес усмехнулся. Повернулся к бармену.